

Марина
СЕРОВА

Держи ухо
ВОСТРО

ЭКСМО

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЕР

Марина С. Серова
Держи ухо востро
Серия «Секретный агент Багира»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=134773
Держи ухо востро: Эксмо-Пресс; М.: 2000
ISBN 5-04-005606-0*

Аннотация

Юлии Максимовой, секретному агенту по кличке Багира, удалось познакомиться с поставщиком русских икон на лондонский аукцион. И теперь предстояла поездка в Одессу, где работал его сын Пауль. Наверняка через него шел поток древнерусской живописи на Запад. Чем больше Юля наблюдала за Паулем и его любовницей, тем больше ее интересовала эта рыжая «киска». Она запросто могла оказаться организатором нелегального бизнеса. При таком раскладе – Пауль лишь жертва роковой связи. Но вскоре Юлины подозрения развеялись самым неожиданным образом: случайная драка на пляже заставила Багиру пересмотреть все факты и осмыслить их по-новому...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	23
Глава 3	43
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Марина Серова

Держи ухо востро

Глава 1

Аукционист болтал как заведенный. Несколько лет назад в этой стране был популярен телеведущий, прославившийся двумя вещами: он ежедневно перекрашивал свои длинные волосы и говорил с невероятной скоростью. Мне удалось посмотреть пару телепередач с его участием, и, несмотря на неплохое знание языка, я не поняла ни слова из того, что он говорил.

Но то, что вытворял сейчас человек с деревянным молотком, было уже ни на что не похоже. Он перебивал самого себя, шутил, переговаривался с публикой, замечал малейшее движение в зале и заводил публику настолько, что торги по накалу страстей напоминали турнир по рестлингу. Мне было уже известно, что именно за эти качества он и прослыл одним из лучших аукционистов Великобритании и получал за свою работу очень неплохие деньги. У него были свои поклонники, и они приходили на каждый его аукцион с одной-единственной целью – поглазеть на своего кумира.

Он объявил очередной лот и, не успев назвать стартовую цену, с третьей космической скоростью стал произносить

свои триста слов в минуту. Надо отдать ему должное – дикция у него была великолепная, жестикуляция артистичная, и, незаметно для себя, я уже любовалась этим человеком. Безусловно, это был профессионал высшей марки.

Временами он отходил от устоявшихся традиций и позволял себе некоторые вольности с публикой. Другому бы этого не простили, но ему все сходило с рук. Более того, каждая его «шалость» вызывала в зале одобрителный гул.

Стартовая цена, благодаря его усилиям, осталась в далеком прошлом, а его язык уже жонглировал десятками тысяч фунтов стерлингов, и я в очередной раз поразились количеству желающих приобрести этот хлам, да еще за такие деньги!

Наверное, я действительно ничего не понимаю в старинных гобеленах, но отдать за вылинявший коврик целое состояние, с моей точки зрения, безумие.

– Тридцать две тысячи номер девятый, тридцать две пятьсот слева, тридцать шесть неунывающая мадам с очаровательной улыбкой, тридцать восемь, тридцать восемь пятьсот...

Все это прозвучало за одну секунду, и я еще вертела головой, пытаюсь отыскать авторов этих предложений, но любимец публики уже по одному ему известному признаку понял, что эта цена является для гобелена максимальной и чуть притормозил свой темперамент.

– Я не ослышался? Тридцать восемь тысяч пятьсот фун-

тов стерлингов за... Тридцать девять тысяч? Тридцать девять тысяч раз... – он, уже не торопясь, внимательно оглядел зал. – Тридцать девять тысяч два... Тридцать... девять... тысяч... Продано! – стукнул он своим деревянным молотком, и его ассистенты побежали в зал, чтобы оформить по всем правилам состоявшуюся покупку.

* * *

– На этот раз ты сработала на «отлично», – без улыбки сказал мне Гром, после того как я отчиталась перед ним за предыдущее задание. В его устах это звучало как наивысшая похвала, и мои губы невольно растянулись до самых ушей.

Дело происходило в одной из комнат просторного дома в Подмоскowie, который Гром называл домом отдыха.

Я уже была здесь однажды около года назад, когда мне необходимо было на время исчезнуть из поля зрения потенциальных недоброжелателей. Гром тогда считал, что у него есть основания волноваться за мою безопасность, и упрятал меня сюда на целый месяц.

Час назад я примчалась сюда на своем серебристом «Ягуаре». Он и теперь был виден мне из окна, и я невольно любовалась его совершенными формами. На фоне природы он выглядел особенно эффектно.

– Сколько тебе нужно на отдых, Багира? – после небольшой паузы спросил Гром, и мне показалось, что в его серых

глазах пляшут чертики.

Он по-прежнему называл меня Багирой, даже с глазу на глаз. Но, честно говоря, мне это нравилось. Я даже не могла себе представить, чтобы он назвал меня по-другому. Да и как иначе он мог меня назвать? «Юлия Сергеевна» – слишком официально и безлико. «Юлия» – слишком запросто, так он мог обратиться к какой-нибудь девочке, дочери или внучке своего товарища. А я еще несколько лет назад была для него боевым товарищем, а теперь являлась агентом его секретного отдела. И осталась для него Багирой, а он для меня – Громом.

– Не слышу ответа, – сказала он, заметив улыбку на моем лице.

– Полчасика, – ответила я, не зная, что он имеет в виду. Раньше он мне таких вопросов не задавал. Я только вчера ночью вернулась с очередного задания и оставалась под крышей своего дома не больше пяти часов. Весь сегодняшний день я провела за рулем и еще не понимала, устала я или нет. На это у меня просто не было времени.

– Ну что же, полчасика я тебе, пожалуй, дам, – сказал Гром. – Но не больше. Потому что сегодня тебе во что бы то ни стало нужно быть в Англии.

Я ожидала чего угодно, но только не этого. Существует, видимо, у каждого человека какой-то предел, после которого он перестает воспринимать происходящее как реальность. Поэтому я приняла его слова за шутку.

– Срочно по делам в Лондон? – спросила я.

– Да, и по очень важным, – серьезно ответил он, и я поняла, что у него и в мыслях не было шутить со мной.

Я стерла с лица неуместную в этих обстоятельствах улыбку и ответила, как подобает отвечать в такой ситуации секретному агенту:

– Я слушаю.

И Гром сообщил мне то, ради чего он назначил мне эту встречу здесь, недалеко от международного аэропорта. А я то глупая надеялась, что у нас с ним будет время поговорить по душам.

Выполняя задание, я попала в странную ситуацию – я не знала, как относиться ко всему тому, что мне пришлось пережить за последние две недели, и, действительно, хотела посоветоваться со своим мудрым и опытным товарищем. Придется отложить это до лучших времен.

Пока же мне предстояло отправиться в Западную Европу, и вот по какому поводу. С недавних пор на самых престижных аукционах стали появляться произведения русского искусства. Они и раньше там бывали, но в последнее время не проходило практически ни одного аукциона, чтобы там не обнаружилось хотя бы одного нашего шедевра.

В основном это были древние иконы или древнерусская живопись, как называют ее искусствоведы. Иконы были, стоили огромных денег, и искусствоведы ломали головы, откуда они туда поступают. А после того, как среди них стали по-

падаться настоящие шедевры, окончательно лишились сна, предполагая, что с молотка пошла очень крупная, уникальная коллекция, о существовании которой до сих пор никто и не подозревал.

Мне предстояло отправиться на очередной аукцион и попытаться вычислить поставщика и источник его богатства.

Наша таможня ежедневно изымает на границе большое количество икон, но Гром не исключал, что появилась мощная международная организация, которая нашла способ обходить таможенные препоны и спокойно распродает наше национальное достояние. А если это так, то давно пора в этот процесс вмешаться.

Поэтому я не без сожаления оставила свою машину в Подмоскowie, уселась на заднее сиденье громовского автомобиля и через час с небольшим уже была в международном аэропорту. По дороге я внимательно изучила свои документы.

У меня снова было новое имя, новый паспорт и кредитная карточка солидного лондонского банка.

– Постарайся приобрести на аукционе что-нибудь не очень дорогое, – сказал Гром, передавая мне эту карточку. – Как знать, может быть, это даст тебе дополнительную информацию.

Я уже хотела было усомниться в своей платежеспособности, но в это время Гром сообщил, какой суммой я располагаю, и весь оставшийся путь до аэропорта я проделала с открытым ртом. Таких денег мне еще не приходилось держать

в руках и, скорее всего, не придется уже никогда в жизни. Хотя в последнее время я не могу назвать себя бедным человеком и даже человеком среднего достатка.

— Мы можем себе позволить истратить эту сумму, чтобы вернуть в Россию ее сокровища, — добавил Гром. — И сможем вернуть ее сторицей, если разоблачим преступную организацию. А интуиция подсказывает мне, что она существует, и тебе предстоит познакомиться на этот раз с весьма любопытными персонажами.

Затем Гром вручил мне жетон камеры хранения и буркнул не глядя:

— Там все твои вещи. Надеюсь, что мы тебе угодили.

* * *

Они не просто угодили мне, а сильно порадовали. Когда я раскрыла чемодан в номере гостиницы, то поняла, что в окружении Грома не было места дилетантам. Меня экипировали с головы до ног, не забыв ни одной самой незначительной мелочи туалета в полном соответствии с тенденциями моды этого сезона, не говоря о том, что все эти вещи сидели на мне как влитые. У меня создалось впечатление, что мои размеры были известны им лучше, чем мне самой.

Поэтому на аукционе я вполне вписалась в компанию не самых бедных женщин Лондона, чувствовала себя абсолютно комфортно и в то же время не привлекала к себе внима-

ния чрезмерной оригинальностью туалетов.

Первым делом пришлось приобрести каталог аукциона, такой же роскошный, как и все окружающее, и самым внимательным образом изучить те полторы сотни лотов, что предлагались сегодня для торгов.

Чего здесь только не было! Живопись, скульптура, ковры, гобелены, мебель и костюмы знаменитостей. Напротив каждого лота значилась его стартовая цена, и, надо сказать, даже эти условные суммы могли озадачить своими размерами дилетанта. Но дилетантов, похоже, здесь не было, если не считать меня. Солидные господа и их ухоженные супруги с интересом просматривали каталог и оживленно обсуждали его содержание.

Никого не приводили в трепет эти баснословные цены, и, судя по всему, все эти люди собирались приобрести сегодня ту или иную старинную вещь.

С каталогом в руках я прогуливалась по холлу и прислушивалась к разговорам.

– Очаровательный гобелен. Это именно то, что мы с тобой искали.

– Если этот гарнитур тебя не устраивает, то я не понимаю, чего ты хочешь.

– Это, конечно, не Ван Гог, но у нас в столовой он будет смотреться...

– Не думаю, что она обойдется нам дороже ста пятидесяти тысяч, хотя я бы не пожалел за такую вещь и двухсот.

Все это было любопытно, но меня интересовали только иконы. В каталоге они значились под номером сто девятнадцать. «Коллекция русских икон XV—XVIII веков». Их было двенадцать штук, и анонимный хозяин решил избавиться от них разом. И хотел получить за это целое состояние.

Видимо, поэтому мне пришлось долго прислушиваться к разноязыким говорам, прежде чем я услышала несколько любопытных фраз:

– Очень эклектичная коллекция...

– Почему он не захотел продавать их в розницу?

– Я бы с удовольствием приобрел пару икон, но зачем мне все остальные?

– Не думаю, что имеет смысл брать всю коллекцию...

Об иконах говорила компания американцев, и я несколько минут буквально сидела у них на хвосте. Из их разговоров я поняла, что они считают хозяина коллекции чудаком, кем бы он ни был.

В каталоге он значился как аноним, и это никого не удивляло.

Хозяева антиквариата не всегда афишировали свои имена, и это не противоречило правилам аукциона. Хотя были и исключения. Так, например, несколько ковров ручной работы выставлял на аукцион мой соотечественник, которого я сразу выделила из толпы. Ему, видимо, доставлял удовольствие сам факт присутствия в этом списке его фамилии. Он приобрел десятка два каталогов и тут же спрятал их в ши-

карный кейс из крокодиловой кожи. Его можно было понять. Этот каталог наверняка поднимет престиж его предприятия на родине и будет способствовать его дальнейшему процветанию.

Американцы никак не могли понять, почему хозяин коллекции не продает иконы в розницу. Они считали, что по отдельности он смог бы выручить за них значительно большую сумму. Хотя в этом случае часть икон могла остаться невостребованной. Насколько я поняла, одну из них, пятнадцатого века, они считали поистине бесценной, а две-три иконы вызывали у них скептическую улыбку.

* * *

Около ста лотов были распроданы, и их новые владельцы покинули аукцион. Большая часть публики принадлежала к «деловым людям», которые умеют ценить свое время. Оформив свои покупки, они покидали зал в ту же минуту. Поэтому через пару часов в зале оставалась едва ли половина тех господ, что присутствовали здесь вначале.

Приближалась очередь «русского лота», и мое напряжение росло с каждой минутой. Наконец, аукционист, набрав в легкие побольше воздуха, выпалил одним духом:

– Вашему вниманию предлагается уникальная коллекция русских икон пятнадцатого-восемнадцатого веков, лот номер сто девятнадцать. Стартовая цена...

И он назвал ту баснословную сумму, что значилась в каталоге. По залу прошел негромкий ропот. Озвученная аукционистом, эта сумма произвела еще большее впечатление. Любимец публики окинул зал внимательным взглядом, моментально уловил настроение публики и через мгновение вынес приговор:

– Лот снимается с торгов.

После этого он посмотрел на одного из своих ассистентов и еле заметно кивнул ему головой. Это не прошло незамеченным для меня, и я насторожилась. Подобное уже было сегодня, когда выставленные на продажу три японские вазы были сняты с торгов. После этого ассистент связался с их хозяином по телефону, тот дал свое согласие на реализацию ваз в розницу, и они тут же разошлись по одной.

Я вправе была ожидать, что сейчас произойдет нечто подобное, и мои ожидания оправдались.

Моложавый мужчина с сотовым телефоном в руках выскочил за стеклянную дверь и, сверяясь со своими записями, стал набирать номер. Сидевший рядом со мной немец в ту же секунду сорвался с места и поспешил к выходу, на секунду заслонив своим крупным телом и стеклянную дверь, и набирающего номер телефона ассистента. Я не надеялась разглядеть номер с такого расстояния, но мне важна была мимика говорящего, по которой я могла судить о содержании разговора, и я с досадой обернулась вслед выходящему из зала немцу. Не успел он покинуть зал, как из его кармана донес-

ся характерный сигнал сотового телефона. Оглянувшись на ассистента, я поняла, что он только что набрал нужный ему номер и откинулся к стенке в ожидании ответа.

Это могло быть простым совпадением, за то время, что я присутствовала на торгах, сигналы телефонов в карманах у важных господ раздавались едва ли не каждую минуту. Сотовым телефоном и у нас уже давно никого не удивишь, а в Европе к этим звукам настолько привыкли, что не обращают на них никакого внимания.

Но немец у самого выхода в холл достал свой аппарат из кармана и нажал на нем нужную кнопку, я успела это заметить. И в ту же секунду ассистент за стеклянной дверью переменил позу, как делает это человек, услышавший, что на том конце провода кто-то снял трубку, и приготовился говорить.

Если это и было совпадением, то удивительным.

Я воспользовалась тем, что сидела у самого прохода, и, никем не замеченная, выскользнула в просторный холл.

– Лот номер сто двадцать... – услышала я за спиной.

Немец говорил по-английски, без ошибок, но медленно и с сильным акцентом. Он находился в нескольких шагах от меня, поэтому я могла слышать каждое его слово, несмотря на то что он стоял спиной ко мне и говорил вполголоса. Уже по одной его позе я поняла, что он претендует на конфиденциальность разговора. В кино обычно так говорят шпионы в запятанный под воротником микрофон.

– Я понимаю. Ни одного предложения. В таком случае действуйте по запасному варианту. Понизьте стартовые цены на десять процентов, – шептал немец хриплым голосом, но благодаря великолепной акустике старинного здания каждый звук был слышен во всех концах холла.

Мне было вполне достаточно этой информации, и я стремительно вернулась на свое место и стала ожидать возвращения своего соседа.

Он появился через минуту после меня и сел на свободное кресло на несколько рядов ближе к аукционисту. Он изобразил на лице абсолютную незаинтересованность и равнодушие, и по одному этому я смогла дофантазировать всю ситуацию.

Немец выставил свою коллекцию икон в Англии, а не в Германии. Это могло быть продиктовано чисто коммерческими соображениями, так как цены здесь были значительно выше, но могло быть и по-другому. Например, немец не хотел, чтобы в Германии стало известно об этой сделке. А с анонимностью у него были бы там проблемы. И если на секунду допустить, что его владение данными произведениями не очень законно, то поездка в Англию становилась для него просто необходимой.

Интересно было и то, что он непременно желал присутствовать на торгах. И так же анонимно. Значит немец чего-то боялся. Чего? Или кого? Это мне предстояло выяснить, как и многое другое. Но теперь я не сводила с него глаз, насколько

это позволяли правила приличия.

Аукционист в перерыве между двумя лотами сделал объявление, что русские иконы будут выставлены на аукцион по одной, и попросил всех заинтересованных лиц оставаться на своих местах.

Все это могло означать только одно. Такой вариант был предусмотрен с самого начала. И, бросив пробный камень, аукционист сразу же перешел к запасному варианту. По словам немца, выходило, что были оговорены и стартовые цены каждой иконы в отдельности, и теперь он предложил снизить их на десять процентов.

Создавалось такое ощущение, что он во что бы то ни стало хотел сегодня же избавиться от этих икон, может быть, поэтому и выставил их все вместе по сознательно заниженной цене. Я за время пребывания здесь попривыкла к сумасшедшим ценам, и теперь цена за иконы уже не казалась мне чрезмерной. Судя по всему, она была, скорее, занижена. И только то, что икон было двенадцать, делало ее такой сногшибательной.

Но это означало, что, снижая цены на десять процентов, немец и вовсе собирался их спустить по бросовой цене. Или это ловкий трюк, чтобы привлечь к торгам максимальное количество участников?

Тем временем один за другим продавались ковры, и мой смуглый соотечественник был удовлетворен. Стартовые цены были превзойдены в несколько раз, и он мог рассчиты-

вать на кругленькую сумму. И он не собирался скрывать своей радости по этому поводу и заносил прибыли в дорогой органайзер и шевелил губами, подсчитывая барыши.

Ну что же – наши коммерсанты кое-чему научились. Еще лет десять тому назад они решили заполнить Европу и Америку шикарными, с их точки зрения, современными коврами. Но тут выяснилось, что европейцев на мякине не проведешь. Их интересует прежде всего качество, и наши незадачливые коммерсанты впервые в своей жизни узнали тогда о таких загадочных для них вещах, как количество узелков на квадратный дюйм, и прочих премудростях. Теперь они скупают по всей стране исключительно старые ковры, причем в любом состоянии, реставрируют их при необходимости, но чаще находят покупателя без всякой реставрации. И делают на этом громадные деньги.

Когда последний ковер был продан, мой счастливый соотечественник, не торопясь, покинул зал. И, судя по выражению его лица, он собирался как следует отметить сегодня свою успешную сделку.

Сразу после ковров наступила очередь икон, и я тут же позабыла и о коврах, и об их бывшем владельце.

Оказалось, что этого момента ожидали не только мы с немцем, но и значительная часть участников аукциона. В этом я смогла убедиться, как только аукционист назвал первый лот:

– Апостол Павел, ростовско-суздальская школа, пятна-

дцатый век, стартовая цена...

И аукционист вернулся к той неповторимой манере проведения торгов, благодаря которой прославился. Через несколько минут стартовая цена иконы была увеличена в три, шесть и, в конце концов, в одиннадцать раз. Приобрел ее один из тех американцев, к разговорам которых я прислушивалась в холле до начала аукциона. Судя по его лицу, он готов был заплатить за нее втрое дороже и считал, что дешево отделался.

Он приобрел еще две иконы и на этом успокоился. Насколько я поняла, он знал в этом деле толк и, приобретая самые ценные иконы, тем самым, что называется, «снял сливки» с коллекции, предоставив остальные иконы своим менее обеспеченным конкурентам.

Следя за торгами, я в то же время не оставляла без внимания и толстого немца и стала свидетельницей всех его метаморфоз. Он сидел, как на иголках, каждое новое повышение цены заставляло его вздрагивать, и через несколько минут он был мокрый, как мышь.

Достав из кармана большой носовой платок, немец вытирал им ежеминутно лицо, лысину и шею. И уже после пятой иконы платок этот можно было выжимать.

Видимо, он на самом деле не представлял истинной стоимости своих сокровищ, потому что глаза его блестели алчным блеском и, как он ни старался скрыть свое волнение, на него уже обратили внимание несколько человек и с иронией

посматривали на него время от времени.

Наконец, он не выдержал и после восьмой иконы выскочил в холл, наверное, чтобы прийти в себя. Я не думала, что он может покинуть аукцион в такую минуту, но на всякий случай подошла к дверям и проследила за ним. Он широко шагами ходил по холлу, не в состоянии справиться с адреналином, поступившим в его кровь. Не берусь судить о его доходах до сегодняшнего дня, но за несколько минут он в любом случае превратился в очень состоятельного человека и, видимо, не до конца еще в это верил.

Я вернулась на свое место и стала прицениваться к очередному лоту.

Но какая-то сердитая мадам не дала мне такой возможности, подняв цену до моего потолка.

Но я все-таки не ушла с пустыми руками. Двенадцатая икона вызвала в зале полное равнодушие, несмотря на минимальную стартовую цену. Похоже было, что ее никто не хотел покупать, и, сообразив это, опытный аукционист собирался снять ее с торгов, но я, опередив его на долю секунды, сделала нетерпеливый жест и получила ее в собственность за стартовую цену.

Немец все еще был в холле, и теперь я не отставала от него ни на шаг. Потеряй я его сейчас, найти его было бы почти невозможно. Поэтому когда он вышел на улицу и через несколько минут растворился в толпе, я не на шутку испугалась. И вздохнула облегченно, заметив его широкую спину

прямо перед собой.

Города он не знал и оглядывался по сторонам, пытаясь сориентироваться в неизвестном месте. Наконец, он обнаружил то, чего требовала в настоящий момент его душа, а душа его требовала пива. Пивных в Лондоне хватает, и немец зашел в первый же попавшийся ему по дороге бар.

Немец плюхнулся на лавку рядом с одним из деревянных столов и прислонился спиной к кирпичной стене.

Я скромненько присела за соседний стол и сосредоточилась на разнообразных закусках и сортах пива, обнаруженных мною в многостраничном меню.

Во всем небольшом прохладном зале сидело человек пять, включая нас с немцем. Подбежавшему ко мне официанту я заказала пару кружек пива и свиные ножки с бобами. Немец заказал себе сосиски и несколько кружек пива.

Пиво оказалось на наших столах уже через несколько секунд, и немец проглотил две кружки на одном дыхании.

Это не так много, потому что пиво в Англии почему-то пьют маленькими кружечками, почти в два раза меньше, чем в России, да и в Германии тоже.

После этого на лбу у него выступили крупные капли пота, и он наконец перевел дыхание.

В это время официант принес закуску и аккуратно поставил тарелки перед нами. Все это он проделал молча, ловко, без излишней суеты.

Пиво было неплохое, хотя на мой вкус несколько горько-

ватое.

Я уже приступила к свиным ножкам, а немец все никак не мог утолить свою жажду и пил кружку за кружкой. И только после пятой или шестой, наконец, перешел к сосискам. К этому времени его лицо приобрело тот нежно-розовый оттенок, свидетельствующий либо о здоровой печени, либо о не очень здоровом сердце.

Глава 2

Расправившись с сосисками, немец стал посматривать по сторонам и взгляд его остановился на мне. Наступил решающий момент, и я не имела права его упустить. Душа немца требовала общения, но мне нельзя было начинать разговор первой. Поэтому скромно отведя глаза, я достала из сумочки каталог аукциона и демонстративно углубилась в его содержание.

И немец попался на заброшенный мною крючок. В очередной раз моя внешность ввела в заблуждение осторожного и испуганного человека. Ну кого, на самом деле, может насторожить молодая, хрупкая девушка с добрыми ласковыми глазами. Мне хотелось максимально напомнить своим видом скромную воспитанную «Гретхен», и кажется, я в этом преуспела.

– Простите за бестактность, но, кажется, вы были на этом аукционе? – вежливо спросил он меня на своем странном английском.

– Насколько я понимаю, вы приехали из Германии, – ответила я ему на безукоризненном немецком. – Если это так, то нам лучше перейти на немецкий.

От неожиданности немец еще больше порозовел.

– Вы тоже приехали из Германии? – умилился он и сам же ответил на свой новый вопрос: – Вы из Баварии.

Дело в том, что меня учил немецкому бывший житель Баварии, и я переняла от него некоторые особенности этого диалекта, что неоднократно сослужило мне добрую службу. Я кивнула немцу с улыбкой на губах.

– Северный Рейн – Вестфалия, – отрекомендовался он и пересел к моему столу. – Еще по кружечке? – предложил он. – Охотно.

Он подозвал официанта и заказал дюжину пива и сосисок. – К сожалению, не баварские, но мы не дома, – извинился он за вполне добротные британские сосиски.

Через несколько минут мы уже пили с ним пиво и, наконец, познакомились. Его звали Куртом Раушенбахом, я же представилась как Марта. Разговор снова зашел об аукционе, и я похвасталась тем, что приобрела очаровательную русскую икону, и показала ее фотографию в каталоге.

Для него это было полной неожиданностью, поскольку во время торгов он был не в себе и был в холле и не мог знать, кто покупает его иконы. И эта информация сделала меня еще привлекательнее в его глазах.

– Вы увлекаетесь иконами? – хлопнул он пухлыми ладошками.

– У меня дома неплохая коллекция русских икон, – скромно потупилась я. – Ведь по бабушке я русская.

– Что вы говорите? – вновь умилился он. – А вы, действительно, похожи на русскую. Мне всегда нравились русские женщины.

«Кому же они могут не понравиться?» – подумала я, но при этом сказала:

– К сожалению, я почти не говорю по-русски и никогда не была в России.

– Ну, сейчас это нетрудно. Вы замужем?

– Нет.

– Вы даже можете выйти замуж за... как это, – он наморщил лоб, – за «нови руски», – вспомнил он и засмеялся от радости. – Там сейчас очень много богатых людей.

– А вы бывали в России? – спросила я с интересом, причем совершенно искренне.

– О, да, – закивал головой он и достал из кармана кожаный бумажник. В этом бумажнике был специальный отдел для фотографий, где сентиментальные по своей природе немцы обычно носят снимки своих детей и жен.

Господин Раушенбах не отличался в этом смысле оригинальностью. Он передал мне из рук в руки свой пухлый бумажник, чтобы я как следует могла рассмотреть две цветные фотографии. На одной из них был сам господин Раушенбах с молодым человеком, как две капли воды похожим на него и таким же упитанным.

– Это мой сын Пауль, – гордо заявил он и расхохотался.

На второй фотографии был тот же Пауль с эффектной рыжей девицей в шортах.

– Это его жена? – спросила я.

– О, нет, – замахал руками господин Раушенбах. – Это его

киска, — и снова захохотал.

Последние полчаса он хохотал по любому поводу и без повода, говорил очень громко и жестикулировал своими толстыми пальцами. Разговаривая, он ни на минуту не прекращал пить пиво и жевать сосиски.

Воспользовавшись этим, я развернула его паспорт, который тоже находился в бумажнике и убедилась, что он назвал мне свое настоящее имя. Но самое интересное было не то, кто был запечатлен на фотографиях, а где они были сделаны. Только теперь я сообразила, что Курт показал их мне, чтобы доказать, что он был в России.

— Очень красивые места, — сказала я, и Курт подтвердил мои слова кивком головы, умудрившись при этом не оторваться от кружки с пивом. — Где вы снимались?

— Одесса, Крым, — отдуваясь, сказал Курт и неожиданно икнул.

— Так у меня же бабушка из Одессы, — воскликнула я и еще раз поднесла фотографию к самым глазам. Ту самую, где его сын обнимался со своей «киской».

Они стояли рядом с машиной, и мне удалось рассмотреть и запомнить номер этой машины. Номер был украинский, а это могло означать, что или Пауль, или его «киска» проживает в Крыму.

Курт к этому времени совершенно расслабился. Да и чего ему было опасаться? Он сидел в пивной со своей соотечественницей, пил пиво, сегодня он выручил за коллекцию

икон огромные деньги, но об этом не знал никто в этом городе, кроме устроителей аукциона.

В том, что мне не известна его тайна, Курт был уверен на сто процентов и поэтому чувствовал себя со мной совершенно спокойно.

И я рискнула задать ему вопрос напрямую:

– А что, «киска» Пауля живет в Одессе? – и хитро прищурила глазки.

– Да, да, – ответил Курт. – И киска, и сам Пауль. Он там работает.

Это было уже интересно. Его сын живет на Украине, а отец анонимно торгует в Англии русскими иконами. Пожалуй, слишком очевидно для простого совпадения.

– Она «нови руски»? – улыбнулась я.

– Да, да, – обрадовался Курт. – «Нови руски, киска», – и забрал у меня бумажник с фотографиями.

Напевая это понравившееся ему словосочетание, Раушенбах отлучился в туалет. Оставшись за столом в одиночестве, я перестала изображать из себя веселую жизнерадостную Марту и попыталась проанализировать ситуацию. Она была предельно выгодной для меня. Мне удалось не просто обнаружить поставщика русских икон на один из самых престижных в Европе аукционов, но и познакомиться с ним. Меня так и подмывало спросить, а не может ли его сын помочь мне приобрести в России несколько икон для коллекции. Это могло прозвучать довольно естественно, но с дру-

гой стороны – было опасно. Такой вопрос мог насторожить Раушенбаха. Я хорошо помнила его испуганное лицо на аукционе, и мне не хотелось увидеть его снова.

«Потерпи, Багира, – сказала я себе, – и он сам тебе все расскажет».

В это время из туалета вернулся Раушенбах, такой же жизнерадостный и полный энергии. У него все пело в душе и желало продолжения праздника.

– А не сменить ли нам интерьер? – спросил он у меня через пару минут.

– Что вы имеете в виду? – смутилась я.

– О, у меня есть очень интересное предложение, – подмигнул он и придвинул свои губы к моему уху. Судя по всему, он хотел мне что-то сообщить по секрету, и я не стала сопротивляться его намерениям.

– Если мы сейчас пойдем ко мне и выпьем маленькую бутылочку русской водки, – он поднял вверх указательный палец правой руки, – то я подарю вам маленький презент.

Как честная девушка, я должна была возмутиться его предложением, но как секретный агент я не могла потерять такого шанса.

– А вы будете хорошо себя вести? – погрозила я ему пальчиком.

– Папаша Курт никогда не обижает девочек, – ответил он и подозвал официанта.

Номер Раушенбаха находился на третьем этаже довольно приличной гостиницы. Я сама остановилась неподалеку, в нескольких метрах от здания аукциона, и по пути к Раушенбаху мы прошли мимо моего отеля.

По пути Курт купил бутылку «Смирновской» и непереносимый тоник. О закуске уже не могло быть и речи, тем более что в баре мы совсем недурно перекусили.

Не успели мы войти в номер, как Курт скинул пиджак и скрылся за дверью туалета. Пиво – незаменимый напиток для секретных агентов.

Я достала у него из кармана уже знакомый мне бумажник и пересняла на пленку не только фотографии, но и документы Раушенбаха и даже несколько визиток его деловых партнеров. Больше ничего интересного у него в карманах не было, и, положив бумажник на место, я присела в удобное кресло у окна и огляделась.

Номер представлял собой точную копию того, что я покинула сегодня утром, отправившись на аукцион, разве что на стене висела другая картинка и шторы на окнах были не кремовые, а салатные.

Выйдя из туалета, Раушенбах предложил мне открыть бутылки, а сам достал из бара длинные стаканы и сполоснул их прежде, чем поставить на стол.

Мы смешали водку с тоником, добавили туда немного льда и, откинувшись на спинку кресел, приготовились к продолжению праздника.

В номере был кондиционер, и после шумной и знойной улицы Курт наслаждался тишиной и покоем.

– А чем занимается ваш сын Пауль? – спросила я.

– О, Пауль, – со значением произнес он. – Пауль у меня очень умный мальчик. Он – искусствовед. Но сейчас он занимается коммерцией. И его бизнес никак не связан с искусством.

У меня возникли некоторые сомнения в достоверности этой информации, но я не показала виду.

– Россия сейчас – это настоящий Клондайк. Там можно за пару лет сделать целое состояние.

– У него там свое дело? – спросила я, не обратив внимание на то, что Одессу Курт считает Россией.

– Нет, пока он работает в чужой фирме. Это очень солидная компания, и Паулю есть чему в ней поучиться. А со временем, я надеюсь, у него будет свое дело. Он очень неглупый мальчик.

Я предложила за это выпить, и Курт с благодарностью посмотрел на меня.

Первый же стакан водки настроил его на философский лад, и он произнес с задумчивым видом:

– Мог ли предположить мой отец, что его внук будет работать в том самом городе, в котором он чуть было не сло-

жил голову?

– Он воевал на восточном фронте? – уточнила я.

– Девочка моя, – вздохнул Раушенбах, – три года он кормил вшей в России и скончался несколько лет назад от старых ран.

– Мой дедушка тоже воевал в России и чуть было не погиб под Сталинградом.

Самое интересное, что это действительно было так, именно под Сталинградом он получил свой первый орден. Орден Красного Знамени.

Курт печально кивал головой и пил водку с тоником маленькими глотками. Видимо, он начал приходить в себя после пережитого им сегодня потрясения и, надо сказать, выглядел теперь намного серьезнее и умнее.

– Расскажите мне о России, – попросила я. – Вам там понравилось?

– Я был там всего несколько дней... Был у Пауля в гостях...

И он рассказал мне, что поездка в Одессу поразила его. Он всю жизнь представлял себе Россию по рассказам отца. И то, что он теперь увидел своими глазами, совершенно не вязалось с этими рассказами.

– Мне бы очень хотелось побывать в Одессе, – сказала я, когда он закончил свой рассказ.

И мы снова пили с ним водку. И через некоторое время Курт опьянел, начал шутить и хохотать над своими шутками.

Судя по всему, я ему пришлась по душе, и он загорелся идеей познакомить меня со своим сыном, а через полчаса уже намеревался нас не только познакомить, но и поженить. И чем больше я смущалась при этих словах, тем больше ему нравилась эта идея.

– Марта, вы с Паулем созданы друг для друга, – наконец заявил он и достал из шкафа большой чемодан. Порывшись в нем, он вытащил какой-то предмет, завернутый в толстую белую бумагу, и положил его на столик рядом с бутылкой водки.

– Я обещал вам небольшой презент, – торжественно произнес он, – и я не забыл об этом. Папаша Курт помнит все свои обещания. Вы собираете русские иконы?

– Да.

– У вас большая коллекция?

– Не очень.

– Считайте, что в ней стало на одну икону больше, – сказал он и развернул бумагу.

Передо мной лежала икона. На ней была изображена Богоматерь с младенцем Иисусом. Я не ожидала ничего подобного и совершенно растерялась.

– Ну что вы... Я не могу принять такого дорогого подарка.

Я не настолько разбираюсь в иконах, чтобы с ходу определить их стоимость, но в любом случае она превышала все разумные пределы для презента незнакомому человеку. Почему Курт не выставил ее на аукцион? Она была не такая

ценная, как остальные? Ее забраковали аукционисты? Или Раушенбах был слишком суеверен, чтобы выставить на торги тринадцать икон?

— Она не очень дорогая, во всяком случае, дешевле той, что вы приобрели на аукционе. А у меня сегодня очень удачный день... — он хотел еще что-то сказать, но передумал и перебил сам себя: — В чем дело? Мне просто хочется ее вам подарить, или она вам не нравится?

— Ну что вы. Она замечательная.

— В таком случае она ваша.

* * *

Я сидела у себя в номере и разглядывала подарок Раушенбаха. Я не знала, как относиться к этому подарку. До той минуты, как я получила его, у меня было совершенно конкретное отношение к Курту, я прошупывала его на предмет незаконной и даже преступной деятельности, и у меня уже появилась довольно правдоподобная версия.

Мне казалось, что этот человек, чуть было не потерявший сознание во время торгов, готов удавиться за сотню-другую фунтов стерлингов. И вот теперь вся моя убежденность рухнула как карточный домик.

Когда я уходила от Курта, он вручил мне свою визитную карточку и пригласил в гости. Черт знает что! Преступники так не поступают.

Он уже завтра улетает к себе в Дуйсбург, и я распрощалась с ним навсегда. Он рассказал мне о себе так много, что встречаться с ним еще раз было ни к чему, тем более, ехать к нему в гости!

Не расследование, а какой-то рождественский рассказ!

Я взяла икону в руки и рассматривала ее, словно надеясь отыскать на ней ответ на все свои вопросы. Богоматерь взирала на меня с иконы с бесконечным состраданием и любовью, несопоставимыми с моими земными проблемами.

Я уже собиралась завернуть ее снова в бумагу и спрятать от греха подальше, но в этот момент почти машинально перевернула и увидела на ее оборотной стороне какие-то знаки. Они были нанесены чернилами и относились явно не ко времени написания.

Включив настольную лампу, я сумела разглядеть их как следует. Надпись была сделана, скорее всего, так называемым химическим карандашом, популярным еще лет тридцать назад. Его грифель при контакте с водой растворялся и превращался в фиолетовые чернила. С его помощью кто-то нацарапал на старинной доске буквы и цифры: «NM-244».

Я понятия не имела, что могли означать эти загадочные буквы и цифры, но почему-то сразу поняла, что мне в очередной раз повезло. Эти буквы, например, могли оказаться инициалами владельца иконы, а цифры – ее порядковым номером в коллекции.

Многие владельцы библиотек таким образом маркируют

все свои книги, а некоторые даже заказывают для этого экслибрисы. Правда, буквы были настолько корявыми, что это заставило усомниться меня в этой версии. Ни один уважающий себя коллекционер не изуродует икону таким безобразным начертанием.

У меня начала болеть голова и неудивительно. За одни сутки я проехала на машине около тысячи километров, перелетела из Москвы в Лондон, посетила аукцион и, ко всему прочему, напилась пива и водки.

Наскоро приняв душ, я улеглась спать, отложив все вопросы на утро.

* * *

Следующий день я посвятила оформлению документов на вывоз из Англии иконы, купленной на аукционе. У меня не возникло никаких проблем. Это была солидная фирма, и они брали на себя все хлопоты.

Со второй иконой дело обстояло значительно сложнее, на нее у меня не было никаких документов, подтверждающих законность ее приобретения, а объяснить таможенникам, что тебе подарил старинную икону случайный знакомый в пивной, практически невозможно. И я решилась на контрабанду. А что мне оставалось делать?

Я уже приблизительно представляла себе, каким образом вывезу икону из Англии. На самом деле, это не такая уж

сложная вещь. Со времени образования Единой Европы таможенники здесь совершенно распустились. Единственное, что их может заинтересовать, так это граната у тебя в сумочке. И что им остается делать, когда границ в Европе практически не существует.

Поэтому вывезти что-либо отсюда иной раз значительно проще, чем ввезти в нашу страну.

«Но осторожность не помешает», – решила я и отправилась в ближайший книжный магазин. Мне нужен был какой-нибудь бестселлер или альбом, пользующийся у иностранцев наибольшей популярностью. И я нашла такой альбом без труда.

По всей Англии в эти дни отмечалась круглая дата со дня выпуска первых пластинок легендарной группы «The Beatles». Газеты сообщали о том, что муниципальным властям Ливерпуля, знаменитого на весь мир, благодаря великой четверке, города, удалось добиться смены дорожных знаков. Теперь на них значилось, что вы приближаетесь к родине звезд.

Но не только ливерпульцы гордились своими земляками. О них в эти дни снова писали все английские газеты, выходили новые тиражи знаменитых пластинок и, наконец, был выпущен тот самый альбом, что привлек к себе мое внимание.

Это была очередная иллюстрированная история группы, типично сувенирное издание, которое считал своим долгом

приобрести в эти дни каждый уважающий себя иностранец, покидая Англию.

Альбом продавался в плотном картонном футляре, и это тоже было мне на руку. Я приобрела четыре таких альбома, после чего отправилась к себе в номер и, изуродовав один из них, вставила в его обложку свою контрабандную икону. Размеры иконы абсолютно совпадали с размерами альбома, и подмену невозможно было обнаружить даже при внимательном осмотре. Отойдя на шаг, я попыталась заметить разницу между четырьмя лежавшими на столе альбомами и не сумела этого сделать. Этого, в принципе, было достаточно, таможенники приняли бы меня за очередную битломанку.

Сегодняшний таможенник – это в первую очередь психолог, и его натренированный взгляд отыскивает среди пассажиров того, кто изображает на лице абсолютное спокойствие. И именно этих людей таможенники и просят показать свои вещи.

Но я никогда не вызывала подозрений ни у одного таможенника.

Самое главное в этой ситуации – ничего не изображать. Малейший оттенок игры на вашем лице свидетельствует против вас. Это и есть самое трудное. Для этого надо самой поверить, что никакого, например, пистолета у тебя в кармане нет. Не демонстрировать это, а поверить самой. А это уже искусство.

Именно этим искусством я и владею в совершенстве. По-

этому если меня выгонят из секретных агентов, я тут же переквалифицируюсь в контрабандиста и не останусь без куса хлеба на старости лет.

Кроме того, я решила на этот раз употребить забавный прием, который архитекторы называют «принципом зеленой собаки». Его придумал один из лучших архитекторов нашего века. Сдавая очередной свой немыслимый проект приемной комиссии, он где-нибудь на видном месте рисовал зеленую собаку. Только слепой не обратит на такое безобразие внимания. И это не просто отвлекало внимание членов приемной комиссии, но и усыпляло их бдительность. Они уже ни о чем другом думать не могли, кроме этой злополучной собаки, и торопились высказать автору свое недоумение.

Именно на такую реакцию и рассчитывал гениальный архитектор и, дождавшись, когда самый нетерпеливый приемщик выскажет вслух свои претензии, с самым невинным видом произносил:

– Действительно, она здесь ни к чему, – и тут же приступал к удалению ее с проекта.

Приемная комиссия облегченно вздыхала, ее чувство прекрасного было удовлетворено, и проект принимался большинством голосов.

Этот метод я и решила сегодня опробовать на британских таможенниках, использовав вместо зеленой собаки обычную сигарету...

Я появилась перед ними с немыслимой прической на го-

лове, чемоданом в одной руке, стопкой альбомов в другой и с сумкой через плечо. В зубах у меня торчала зажженная сигарета.

При виде ее вежливый английский таможенник не поверил своим глазам. А я, переложив стопку под мышку, а чемодан зажав между ног, дисциплинированно доставала из сумочки свои проездные документы.

– Вы не могли бы выбросить вашу сигарету? – попросил он меня, и я стала оглядываться в поисках мусорного ящика. Разумеется, его там не было.

– Простите меня, – пролепетала я, сунула стопку с альбомами ему в руки и пулей полетела к выходу из аэропорта, чтобы избавиться там от сигареты.

Я рассчитала все абсолютно точно. К нему один за другим стали подходить другие пассажиры, а он, со стопкой альбомов в одной руке и с чемоданом в другой, чувствовал себя полным идиотом. Я дождалась, когда ему надоест это чувство, и он перенесет мои вещи в нужное мне место, вернулась к нему с широкой улыбкой на лице и снова принялась извиняться:

– Извините, я такая рассеянная, я даже засыпаю с сигаретой во рту.

Заметив на его лице зарождение чувства ненависти к собственной персоне, я еще раз извинилась и проследовала мимо него к своим вещам.

Таможенник вздохнул облегченно.

Через полчаса наш самолет поднялся в воздух и взял курс на Киев.

* * *

Когда лайнер набрал высоту, я еще раз посмотрела на гостеприимный остров. Теперь он выглядел совсем как на географической карте, хотя я и не могла его видеть полностью, для этого понадобилось бы подняться повыше. Пресловутого тумана сегодня над ним не было, разве что смог местами с успехом заменял его.

Я расстегнула ремень безопасности и откинулась на спинку кресла. Теперь у меня было несколько часов, чтобы не торопясь проанализировать ситуацию.

Я люблю свою работу, в том числе и за то, что каждый раз встречаюсь с самыми разными людьми, среди которых встречаются весьма «любопытные персонажи», как сказал Гром.

Вот и на этот раз судьба подарила мне встречу с оригинальным типом. Курт Раушенбах не подходил ни под одну категорию известных мне правонарушителей и диверсантов, с которыми я имела дело до сих пор. Он был слишком сентиментален для подобного рода деятельности, впечатлителен и эмоционален. Не было в нем и намека на холодный расчет и «звериный оскал». Скорее, это тот тип добродушных толстяков, которых можно встретить во всему свету, но чаще всего они встречаются на детских утренниках и цирко-

вых представлениях, в крайнем случае, в пивных и закусочных. Они не представляют угрозы ни для кого, хотя бы потому, что в душе трусоваты. Они любят хорошо поесть и с удовольствием поспать, аккуратны и исполнительны на работе и пользуются любовью своих сотрудников. У них обязательно имеется такая же толстая и добродушная супруга и целая куча ребятишек.

Каким же образом этот добродушный толстяк оказался вовлеченным в это сомнительное предприятие? Откуда у него столько уникальных произведений искусства, где он их взял и почему так торопился от них избавиться? Этим он напомнил мне продавца краденого, который, польстившись на шальные деньги, взялся за это дело, но, выйдя на базар, уже и сам не рад и старается сбыть товар с рук, хотя бы и себе в убыток.

В таком случае за ним должен стоять кто-то другой, опасный и расчетливый, кому и достается большая часть доходов. Но почему он выбрал в качестве посредника Курта? Невольно я вспомнила фотографию Раушенбаха, где он позировал перед объективом вместе со своим сыном. Пауль обнимал его за плечи, как младшего брата, покровительственно и свысока. Или мне это просто показалось? Мне хотелось еще раз посмотреть на снимок, но я не могла это сделать прежде, чем проявлю свою пленку.

К тому же Пауль оказался искусствоведам по профессии, и это лишь подтверждало мои подозрения. Он наверняка

разбирается в иконах и хорошо представляет их реальную стоимость. В своей нынешней работе он вполне мог познакомиться с «криминалом», в украинском бизнесе его не меньше, чем в России, и выйти таким образом на поставщиков «товара». Каким образом он переправляет его в Германию – дело десятое, хотя вывезти иконы с Украины значительно сложнее, чем из Англии.

Поэтому я и направились теперь в Одессу, чтобы познакомиться с Паулем лично. А через него найти и поставщиков, на Украине или в России.

Я уже знала о нем немало: фамилию, номер машины, на которой он ездит, и его длинноногую рыжую подругу – «нови руски киска».

Глава 3

Позади остался и киевский аэропорт, и дорога до Одессы, со всеми перипетиями и недоразумениями, что предполагает перемещение в пространстве бывшего Советского Союза.

Прежде всего я должна была выбрать для себя удобное во всех отношениях место жительства. Хотя бы потому, что не надеялась выполнить задание за несколько дней. В Лондоне мне просто повезло. Если бы не тот звонок Раушенбаху во время аукциона, торчать бы мне в туманном Альбионе не одну неделю. И если тебе повезет, значит удача не за горами.

Мне казалось, что, прилетев в Одессу, я сделала верный выбор. И могла, таким образом, рассчитывать на успех.

Я всегда любила Одессу и бывала здесь не раз. И у меня были в ней любимые уголки, прежде всего, в старом городе, поэтому я и выбрала себе гостиницу в двух шагах от Дерибасовской.

Как только не называли этот город. И маленьким Марселем, и жемчужиной у моря. Но для меня Одесса не требует никаких сравнений и эпитетов. Потому что Одесса – город уникальный и не похожий ни на один город в мире. И я люблю ее улочки и дворики, люблю и одесситов с их неповторимым чувством юмора и темпераментом. И приезжаю сюда каждый раз с предчувствием если не счастья, то приключения, как минимум. Может быть, потому, что это был первый

южный город моего детства.

Забросив вещи в гостиницу, я отправилась побродить по знакомым улицам, а заодно и перекусить. Кухня в Одессе тоже своеобразная, поскольку вобрала в себя черты русской, украинской, еврейской, греческой, армянской и бог весть какой еще. И результат получился весьма аппетитный.

Мне показалось, что за те годы, что меня здесь не было, Одесса сильно изменилась внешне, и далеко не в лучшую сторону. Так же, как изменились в Москве Арбат и Крещатик в Киеве. Они стали современнее и «цивилизованнее», но потеряли, может быть, самое главное – свою неповторимость.

Но, услышав несколько случайных фраз на улице, успокоилась и поняла, что Одессу изменить невозможно.

Перекусив, я зашла в пару магазинов, где вынуждена была купить себе кое-что из одежды. Консультанты Грома готовили меня к поездке в Лондон, а то, что уместно в Англии, выглядело бы, мягко говоря, странно в этом залитом солнцем приморском городе.

Неожиданно, как всегда на юге, наступил вечер, и я отправилась спать к себе в гостиницу. Только теперь я поняла, как я устала, и заснула до утра как убитая.

Проснувшись утром, я первым делом отправилась в фотоателье и напечатала с негативов несколько необходимых мне сейчас фотографий. Сначала я хотела сделать это самостоятельно, но это потребовало бы слишком много времени,

к тому же мальчики в ателье, печатая в день сотни фотографий, по-моему, уже потеряли к их содержанию интерес настолько, что одинаково равнодушно напечатают вам и секретный документ и порнооткрытку.

За столиком ближайшего уличного кафе я совместила приятное с полезным, то есть позавтракала и, не торопясь, изучила фотографии. Теперь я узнала бы из тысячи и Пауля, и его рыжую подругу, не говоря уже о «Тойоте» неопределенного цвета, рядом с которой они сфотографировались.

Судя по всему, фотографии были сделаны в этом году и не далее как два месяца назад. Мне показалось, что я догадалась, где были произведены снимки. И я попыталась отыскать это место. Вполне могло оказаться, что неподалеку от него располагалась та самая фирма, в которой работал бывший искусствовед.

На поиски у меня ушло чуть больше часа, но я не считала, что потеряла время впустую. Я не только нашла улицу и тот ее участок, где снимались Раушенбахи, но и смогла с точностью до недели определить время съемки. Дело в том, что в объектив случайно попала часть театральной афиши. Она до сих пор находилась на том же месте и, подойдя к ней поближе, я сделала маленькое открытие.

Дело в том, что это был репертуар оперного театра за прошлый месяц. Месяц закончился три дня назад, но афишу еще не успели заменить на новую.

Значит, фотография была сделана не раньше месяца на-

зад, максимум месяц и неделю. Следовательно, Курт Раушенбах приезжал к сыну совсем недавно и после этого у него появились русские иконы на продажу.

Насколько я поняла из его полупьяных откровений, он до этого никогда не был в России. А учитывая, что Россией для него был весь бывший Советский Союз, я могла быть теперь уверена, что три-четыре недели назад он приезжал в Одессу в первый раз в своей жизни.

«Ну, что же, это интересно», – подумала я. Если бы я не знала Курта лично, то с уверенностью заявила бы, что он приезжал сюда за иконами. Но, зная его, не рискну настаивать на этой версии.

Я никак не могла представить себе, что «папаша Курт» способен на такой смелый поступок. Его бы при этом точно «хватил Кондратий».

Но тем не менее этот факт косвенно подтверждал причастность Пауля к коллекции икон. Поэтому, не откладывая дела в долгий ящик, я занялась поисками немецкой фирмы.

«Чем может заниматься в Одессе немецкая фирма? – размышляла я. – Скорее всего она чем-нибудь торгует или что-то покупает. Поэтому наверняка рекламирует свою деятельность».

Довод показался мне убедительным, и в ближайшем газетном киоске я купила несколько рекламных изданий. Присев на лавочку, я попыталась определить по названиям иностранных фирмы и даже начала помечать их карандашом.

Скоро я поняла, что большинство фирм в Одессе носит иностранные названия, но это совершенно не означало, что они имеют какое-то отношение к иностранному капиталу. Название вообще чаще всего ничего не означало. И нужно было быть семи пядей во лбу, чтобы разобраться во всей этой абракадабре.

Может быть, в конце концов, я и разобралась бы в ней, но изучать украинский бизнес неделями у меня не было времени. И я нашла более короткий путь. В одной из своих газет я обнаружила номер телефона справочной службы, гарантирующей любую информацию в сфере коммерческой деятельности, и решила обратиться туда за помощью. И за несколько минут узнала все то, на что могла потратить целую вечность.

Милая девушка с ангельским голосом поведала мне обо всех предприятиях Одессы, хоть как-то связанных с Германией, снабдила меня всеми необходимыми телефонами и поинтересовалась, не нужна ли мне подробная информация о деятельности каждой из них.

В результате мне оставалось только проехаться по всем этим адресам и Пауль Раушенбах был бы у меня в кармане. Тем более что немецких фирм, включая совместные предприятия, оказалось в Одессе не так много.

Единственной сложностью было то, что я не имела права спрашивать ни в одной из них о господине Раушенбахе, поскольку объяснить свой интерес к этому человеку мне было бы нелегко. А надеяться на то, что он целыми днями стоит

на пороге своей фирмы, было бы наивно.

Другое дело автомобиль. Его-то поисками я и занялась в первую очередь. При этом мне было не важно, кому принадлежит «Тойота» с известным мне номером – Паулю или его «киске», потому что неизвестно, кого из них я больше хотела видеть.

Большая часть интересующих меня фирм располагалась в центре города, поэтому я не стала ловить такси, а отправилась пешком по ближайшему адресу.

В детективных романах сыщик обычно проходит по всем адресам, прежде чем отыщет то, что ему нужно. Но жизнь, к счастью, не так занудна и иногда дарует нам приятные неожиданности. Именно это и произошло со мной на этот раз. Отправившись по ближайшему адресу, я сразу же попала в десятку. Причем «Тойоту» я заметила прежде, чем название фирмы. Мне даже не пришлось доставать из сумочки фотографию, потому что заветный номер я навсегда запомнила еще в Лондоне.

Налюбовавшись на машину и пережив пятиминутное состояние глубокого удовлетворения по этому поводу, я подняла глаза вверх и прочитала название фирмы. Оно полностью соответствовало ожидаемому. Собственно говоря, это была не фирма, а ее филиал, вернее, представительство. Сама фирма находилась в Германии и была хорошо известна в Европе, поскольку занималась таким достойным делом, как торговля пивом и безалкогольными напитками.

«Ну что же, — подумала я, — вполне подходящее занятие для умного мальчика и бывшего искусствоведа». И стала придумывать способ проникновения в эту уважаемую организацию.

И вот тут-то меня и ожидали самые большие неприятности. У меня не было ни одного шанса устроиться сюда на работу, хотя бы потому, что по своим документам я проживала не на Украине, не имела никакого отношения к Одессе и, тем более, к пивоторговле. Можно было бы слетать в Тарасов и запастись всеми необходимыми документами и вернуться в Одессу каким-нибудь заслуженным пивоваром России или почетным гражданином Одессы, но и это не гарантировало бы мне ровным счетом ничего. Вряд ли эта организация испытывала острую нужду в сотрудниках.

Да и надо ли мне это было? В конце концов, меня совершенно не интересовала как сама фирма, так и ее продукция. Если я правильно понимала ситуацию, то для Пауля Раушенбаха эта контора была всего-навсего «крышей», удобным поводом для проживания в Одессе, а его сотрудники могли даже не догадываться о его главной «теневой» деятельности. Это была на самом деле солидная фирма, а солидные фирмы очень дорожат своей репутацией и редко нарушают закон. Им это просто не выгодно.

Изучив табличку на дверях, я выяснила, что через два с небольшим часа в фирме будет обеденный перерыв, и решила отложить первую встречу с молодым Раушенбахом до это-

го времени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.